

Автор: Дзюбенко А. (Киев)

(Во время конгресса был личным переводчиком А.Е. Алексейчика)

Мне сложно сформулировать свое однозначное отношение к тому, что и как делает А.Е. Алексейчик. Я пытаюсь как-то его подытожить для себя, и у меня не получается.

Возможно, что это и есть здоровое «каждый раз по новому воспринимать и воспроизводить», соответственно, сложно подытожить для себя человека, который каждый раз по новому воспринимает и воспроизводит — очень сложно, сложно свести его к такому знаменателю.

С одной стороны, быть рядом с ним во время конгресса мне лично было очень тяжело. Но я не знаю, чья это заслуга в большей степени — Александра Ефимовича или же моей стеснительности и неуверенного чувствования себя в каких-то социальных ситуациях. Я испытываю тревогу и дискомфорт при любом проявлении себя в больших компаниях людей, а здесь ситуация вынуждала меня не просто проявлять, а вообще идти наперекор, какой-то своей, собственной уникальной линией. Я пытался в это время найти какой-то внутренний задор и хулиганство в себе, для того чтобы из него как-то чувствовать себя комфортно и играючи идти против толпы. Мне кажется, что такой задор был постоянно у Александра Ефимовича. И в последний день он сказал, что, конечно, если бы он был сам на конгрессе, то он бы себе не смог позволить так «хулиганить», как он это делал там.

У меня тоже было чувство, что мы позиционируем себя слишком агрессивно, мне все время хотелось «сглаживать» и смягчать Александра Ефимовича, делать его понятным, — когда он выходил на сцену, хотелось говорить вступительное слово, что-то типа «Вы уж нас простите, но доктор Алексейчик очень надеялся, что конгресс будет построен в такой форме, которая будет предполагать живое общение, а не просто зачитывание докладов, ему очень интересен был доклад, и для того чтобы еще больше понять докладчика и то, чем тот хотел бы с нами поделиться, Александр Ефимович хочет задать несколько вопросов, а также предложить коллегам из зала подключиться к обсуждению, — для того чтобы придать обсуждаемой теме полноту и многогранность, а также максимальную практичность, чего он хотел бы для себя, а также для остальных слушателей. Он просит прощения за витиеватость и кажущуюся сложность его вопросов, а также за длительное время, которое уходит на их задавание, и определенную неудобность для докладчика, но обсуждаемая тема сложна и неоднозначна, как, собственно говоря, и жизнь, ведь именно такой точки зрения мы придерживаемся в нашей экзистенциальной модальности, и к тому же, чтобы перебросить мостик между нашими культурами, приходится немного углубляться; задавая вопрос, доктор Алексейчик рисует определенные образы у слушателей, и вопрос напрямую связан с этим образом, а также с темой докладчика. Но поскольку мы все-таки гости на этом конгрессе и неозвученная, но от того не менее конкретная иерархия присутствует на нем, мы готовы подчиниться пожеланию организаторов и не будем провоцировать обсуждений, а позволим ограничить выступления докладчиков исключительно чтением презентаций, если такая позиция будет озвучена». Но возможно тогда, если бы он был понятен и доступен, то он не производил бы такого

ошеломляющего воздействия на пациентов, и это, в самом деле, не приводило бы к перерождениям.

Я тоже наблюдаю за Александром Ефимовичем уже несколько лет — и в клинике, и на группах, и помню, конечно, свои первые реакции на него; я, конечно, привык и уже нормально на него реагирую — благодаря тому доверию, которое к нему чувствую — в моменты проявления жесткой, наступательной позиции, которая меня уже не задевает, но по тому, что она задевает в других, вижу, как проявляются очень явно, четко и однозначно их особенности, а также то, от осознания чего они всячески уходят. Ну, например, когда участник группы выкрикивала «мы должны быть принимающими» — и демонстрировала, как она в терапии вводит ненатуральный свод законов и правил, которые явно не приносят пользу клиенту, не помогая ему справляться со сложностями жизни, а создавая в работе с терапевтом притягательно-комфортную жизнь. Или другая участница, которая говорила про Александра Ефимовича: «У него наверняка есть проблемы с отцом» — и тем самым показывала, как она наверняка использует заготовленные психологические интерпретации в работе со своими клиентами.

Конечно, то, что Александр Ефимович делает, очень, как мне кажется, отличается от «канонов экзистенциального консультирования» в том виде, как понимают это европейцы. Эта терапия представляется не защищенной этическими нормами и правилами взаимодействия с пациентом из удобного кресла психотерапевта. Эта терапия, скорее, непосредственный, полный и широкий контакт (во всех возможных измерениях) с душой, жизнью и болезнью пациента.

Я не достаточно много общался с другими участниками конгресса. Что я заметил, так это то, что на конгрессе не было никакого равенства и толерантности к другим. Хотя много говорилось про демократию и свободу, но все-таки все крутилось вокруг иерархии, вокруг сложившихся, раскрученных имен, имен, которым люди доверяют и которых превозносят как своих кумиров. Говорил немного с Саймоном дю Плокком; он сказал, что до него доходили слухи о том, что Алексейчик людей морально бьет. Саймон сказал: «Я не понимаю, зачем он так делает, ему бы стоило вести себя совершенно по-другому. Ему стоило бы очаровывать людей, а не давать им пощечины». Наверное, это результат того, что Алексейчик не подчиняется правилам рекламы, маркетинга и стяжания себе популярности, потому что он плевать на это все хотел.

Не про Алексейчика. Саймон дю Плокк мне представился целостным в том, что он рассказывал и делал на своем семинаре. Он не обещал там звезд с небес, не говорил о том, что он может помочь каждому. И даже случай привел в качестве примера, где он по факту помочь парню не смог — ничего в жизни у парня не поменялось.

Эмми ванн Дорцен тоже мне показалась соответствующей моим ожиданиям. Кстати, от них обоих я не чувствовал ни закрытости, ни враждебности, ни нежелания воспринимать нас.

Дигби Тамтам в наших разговорах за пределами конгресса показался мне намного более «социализированным». Как будто действовал согласно хорошо усвоенным правилам благородного поведения в обществе: когда нужно — уделить внимание, когда нужно — подсесть поговорить, быть всегда приветливым и позитивным.

Лэнгле, честно говоря, мне на конгрессе не понравился почему-то. Такое впечатление, что врет он все; так и хотелось спросить его, когда он говорил про свет, ощущаемый человеком в конце каждого дня, от наполненности и осмысленности жизни, — а сколько раз он лично за эту неделю ощущал этот свет? **Автор: Сухова Г. (Одесса)**

Впечатление от конгресса в целом скорее положительное, где-то 70 процентов из ста. Что понравилось: команда, организовавшая конгресс, то, что их было мало, и что Дигби Тантам и Эмми ван Дор-цен вместе с волонтерами встречали участников; понравилось онлайн интервью с Яломом, место и пространство проведения конгресса, обилие тем. Отрицательное впечатление складывается из отсутствия доступного хорошего перевода в течение всего конгресса, поэтому я посещала в основном русскоязычные мероприятия — поддержать коллег своим присутствием и теоретически и практически обогатиться самой.

Интересно, что на мастер-классе по терапевтическим возможностям литературы у Саймона дю Плокка моего английского хватило, чтобы понять, о чем речь и как это осуществить. Хорошо, что было дано время для практики — удалось почувствовать, как с этим работать.

На экзистенциально-театральной группе у Ирины Ивановны у меня три сильнейших впечатления. Первое. В ответ на просьбу Ирины Ивановны к автору сказки поправить, если что не так, АВТОР СКАЗКИ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ сказал: «Не посмею». Второе. Участник пьесы, американец, активно сопротивлялся насильно предложенной ему роли Короля: «Нам часто навязывают роли. Это не моя роль. Я не Король». Но согласился. Прилежно исполнил свою роль. Не брыкался, не кричал, что это вы меня заставили, поэтому ничего хорошего не ждите. Был хорошим партнером и, что совсем неожиданно для меня, при подведении итогов поделился, что при всем своем сопротивлении он получил некое открытие. Для меня неожиданно и то, что поделился, и то, что он смог прочувствовать сквозь свое сопротивление. Третье. Еще один чужеземный участник. По его словам, он был здесь не в своей тарелке, его «внутренний ребенок» мал, не в его обычае заниматься таким. Это прозвучало как окончательный неснимаемый диагноз — «вечно взрослый и грустный» и депрессивный. Ему хотелось сбежать, но уйти было неловко. Удивительно, что все, что он рассказывал, было про меня, когда я впервые попала к А.В. Гнездилову в Сказочный Дом — и то, что он чувствовал собственную неуместность и искреннюю вовлеченность остальных участников в игру. Он — мое зеркало.

Как-то у меня получаются слишком уж личные впечатления. Конгресс как возможность работы над собой. Я — клиент конгресса.

Впечатлило меня жесткое сопротивление наших учителей всемирному братанию экзистенциальных специалистов. Я чувствовала, что идет борьба. На конгрессе я не понимала, что наша институтская группа декларирует, против чего выступает, чего хочет доказать. Мне виделось противостояние всем. А все были очень разные.

Сожалею, что мало погуляла. Я бы посетила больше культурно-исторических мест. **Авто**

р:
роскурня С. (Киев)

Впечатлений у меня море. Начну с того, что мое участие на конгрессе было довольно своеобразным — виртуальным. После получения письменного отказа в визе я расслабилась и попрощалась с мечтой побывать в этом году в Лондоне. Но Семен Борисович Есельсон не дал мне возможности расстаться со своим участием в конференции.

Скажем так: поездка в Лондон для меня была первична. Участие в конференции по теме «Экзистенциальное понимание феномена беженства» — вторично... Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Когда Семен Борисович по скайпу задал мне

вопрос о том, зачем я хотела поехать в Лондон, я совершенно искренне ответила ему, что очень надеялась на эту поездку. Что хотела сама себе доказать, что смогу, справлюсь. Что для меня эта поездка была как своеобразный рубеж, перевалив который я могла бы выпорхнуть в новую жизнь. Воображение рисовало заманчивые картинки: «Моя жизнь до поездки» и «Моя жизнь после поездки». Причем ставку я делала именно на впечатления... Получив от английского офицера отказ в гостеприимстве, я автоматически отказалась от доклада. Но Семен Борисович двумя краткими фразами — вопросом и ответом — не дал мне распрощаться с Лондоном.

— Вы хотели доказать себе?

— Хотела...

— Доказывайте.

Вот и весь разговор. Я надеялась, что отсутствие визы автоматом освобождает меня и от всего остального. Зря надеялась...

Семен Борисович развил колоссальную деятельность по организации технической возможности нашего участия в конгрессе. И мы подчинились обстоятельствам непреодолимой силы.

В назначенный день мы (я и Катя Денискова) сидели в офисе, расположенном в центре Киева, на Европейской площади. Скайп был настроен, скорость интернета была выше всяких похвал, настроение торжественное (не каждый же день выступаешь на английском конгрессе).

Немного смущало то, что на день и час выступления нас еще никто не авторизировал. В остальном — все было по-настоящему. Волнение, сомнения, последние исправления и обмен пожеланиями, страх перед выступлением и тревога ожидания.

Когда в указанное в письме время — 16.00 — с нами никто не вышел на связь, напряжение понемногу стало спадать. Наверное, у англичан так и не нашлось технической возможности выслушать наши доклады. Мы успокоились, даже стало немного грустно — все-таки подготовились. Катя вообще приехала из другого города специально, чтобы сделать свой доклад...

Расслабившись, мы болтали, пили чай и шутками старались сгладить не самое приятное ощущение того, что все было зря — наша проделанная работа, наши усилия, наши доклады...

Особо не надеясь на успех предприятия, мы все же приняли решение подождать до шести, благоразумно рассудив, что, возможно, нас приглашали на связь в 16-00 по английскому времени.

Из окна офиса, где мы находились, была видна вся Европейская площадь. В Киеве в этот день отмечали день Европы, а прямо перед нашими окнами, на противоположной стороне площади красовалась огромными синими буквами надпись «ЛОНДОН» (название пивного паба, расположенного там же).

Мы начали шутить на тему, что все случилось — мы в Европе и Лондон тоже присутствует. Почему-то казалось, что в шесть часов мы спокойно уйдем домой...

Но ровно без четверти шесть скайп ожил. Мы получили подтверждение, что наш контакт авторизован. А через пару минут с нами на связь вышел улыбчивый англичанин. Он уточнил, из Украины ли мы, и объяснил, что осуществляет проверку связи.

Мы запаниковали. Во-первых, потому, что почти уже не рассчитывали на то, что видеоконференция все же состоится. Во-вторых, потому что практически не владели английским!

Я пробежалась по офису и — о чудо! — в субботу вечером там нашлась девушка, которая отлично владела языком и согласилась нам помочь))). Мы уселись втроем перед экраном и стали наблюдать за тем, что происходило в зале. Туда постепенно подтягивался народ. Очень радостно было увидеть знакомые родные лица — Александра Ефимовича Алексейчика и Семена Борисовича. Смутило то, что желающих послушать о беженцах было раз-два и обчелся.

Сначала говорил Семен Борисович. Его слова о том, что многие из его учеников стали беженцами, что он чувствует личную ответственность за нас и считает своим долгом всячески нам помогать, очень тронули. У меня было такое впечатление, будто он нас удочерил...

Немного странно и одновременно интересно (лично для меня) было слушать доклад Вероники Антимоник, которая рассказывала о том, какие выводы о беженцах она сделала, работая с ними в лагерях беженцев в первые дни беженства. Невольно я все примеряла на себя. Со мной такое было? А такое? А что бы мне помогло?

Потом я наблюдала, как рядом со мной говорила Катя Денискова. Нам дали совсем немного времени, и я отмечала, как она пытается сократить, выделить самое важное. Мне было жаль каждой ее сокращенной мысли, потому что этот доклад был для меня целым откровением...

Потом выступала я. Встречаясь с людьми, попавшими в похожие обстоятельства, выслушивая их, рассказывая о их судьбах, я лечилась сама. Я хотела рассказать об этих людях. И человек, отвечающий за техническую часть встречи, каким-то образом это понял и прочувствовал.

Когда я закончила свой доклад, он сказал, что видел и понимал, как важно мне было рассказать о своем опыте и опыте других людей, поэтому он продлил время выступления и не прерывал меня... И это на английском конгрессе! Пресловутые англичане, педантично считающие даже секунды! Нас не остановили вовремя, а наоборот — дали возможность высказаться! Для меня лично это было очень значимо. Еще запомнился улыбчивый иностранец, сидевший почти в первом ряду. Его улыбка очень поддерживала на протяжении всей встречи.

Встреча подошла к концу. С нами попрощались. Наконец-то! Мы сделали это! Мы наблюдали на экране, как из зала выходили люди...

А мы, с чувством победы, счастливые и довольные, обменивались впечатлениями. Целый день мы просидели в офисе и к вечеру уже чувствовали усталость от перенапряжения, но счастье и удовлетворенность от того, что мы все же приняли участие в конгрессе и выступили с заявленной темой, перевесили все. **Автор: Гаврилова О. (Нижний Новгород)**

(На конгрессе представляла доклад Юлии Морозовой из Ростова-на-Дону «Экзистенциальная терапия и жизнь корпорации»)

В самолете рейса Лондон-Москва на соседнем кресле сидела русская девушка лет тридцати, и все четыре часа мы непрерывно общались. Она рассказывала, по какой причине летала в Лондон, даже открыла некоторые подробности своей личной жизни, делилась жизненными выводами, будто бы предостерегая меня от возможных ошибок; советовала, как нужно общаться с англичанами, живущими, по ее словам, под девизом Keep Calm and Carry On. По ее мнению, такой настрой дает им силы двигаться вперед по пути жизни несмотря на все огорчения и беды. Они не показывают другим негативно окрашенную сторону своей жизни, не жалуются, они сильны сами в себе. На мой взгляд,

нужно быть не менее сильным человеком, чтобы открыть свою рану и показать ее другому. Ведь в одиночку боль не преодолеть. Ее необходимо выпустить. В беседе между нами понятие неприкосновенности частной жизни отсутствовало и не приходилось постоянно за что-то извиняться (повторять I'm sorry). Границ никто не устанавливал. Также она замечала, что то, что говорят англичане, не всегда равнозначно тому, что они на самом деле чувствуют. Например, not too bad может на самом деле означать восхищение, а so good — так себе. Нужно учиться понимать их. Получается, что среди неискренности нужно уметь распознать правду.

Вернувшись в Россию, я смотрела по сторонам и думала «О нет! Кругом мытарствующие люди». Что-то внутри болело. Захотелось сбежать. Только куда? В Европу, где материальный мир непрерывно совершенствуется, как будто там нет никаких мытарств, как будто нет духовного в материальном, как будто все неодушевленно, монолитно/железобетонно, но так комфортно устроено? И тут я вспомнила цитату из «Алисы в Зазеркалье»: «Здесь, чтобы стоять на месте, нужно бежать изо всех сил, а чтобы куда-то попасть, нужно бежать по крайней мере в два раза быстрее». У нас в стране есть все условия для того, чтобы «бежать». Стабильность приводит к стагнации. Все-таки свойство жизни — меняться. Попытка зафиксировать спокойствие и гармонию ни к чему не приведет. За счастье, успех, гармонию нужно постоянно бороться, это нельзя зафиксировать. Бороться через мышление и поступки. Самому меняться. Видеть себя настоящего, со всеми своими достоинствами и недостатками. Нужно все время идти вперед. Впереди всегда некая неизвестность. Нам дается некая неопределенность, ряд неизвестностей, чтобы мы оказывались вновь и вновь в точке свободы, выбора. Нам все время дается некое напряжение, некая возможность для изменений.

После предконгрессного дня мы пошли в храм Антония Сурожского. Народу в нем было мало. К нам подошла русская женщина, услышав родной язык. Она переехала в Лондон больше 10 лет назад. Делилась тем, что веры в Лондоне нет, что сложно жить среди неверующих православному человеку.

Мои впечатления от выступления — я считаю, что Семен Борисович Есельсон правильно сделал, что вызвал тех, кто не знает английского. Это вызвало отклик, по крайней мере в моей секции. Я сильно торопилась. Семен Борисович пришел меня поддержать, отвечал за меня на вопросы, если мне становилось слишком сложно... **Автор: Патлань Н. (Ростов-на-Дону)**

Мое преконгрессье

В 2013 году я узнала о том, что в 2015 году весной состоится Международный конгресс по экзистенциальной терапии. Я тогда еще не окончила МИЭК, но уже душой и сердцем понимала, что философия экзистенциализма — это та область знания, которая помогла мне поставить самые важные вопросы моей жизни, на которые имеет смысл отвечать для себя каждый день. В том же 2013 году я поступила на психфак ЮФУ, чтобы для себя понять и изучить то, что не называется экзистенциализмом, чтобы утвердиться в правильно выбранном направлении жизни. Может, надо было еще пойти на курсы английского языка? Но в тот момент я подумала, что главное можно почувствовать сердцем. С этого момента я понимала, что все, что происходит в МИЭК и в развитии экзистенциальной философии в мире — это важно для меня.

У организаторов конгресса мне хотелось узнать цель: зачем его собирают? Во имя чего и ради чего? Каковы их мотивы? Ведь нам на самом деле есть о чем говорить и чем делиться, наработан огромный культурологический пласт экзистенциального праксиса,

называемый русской экзистенциальной школой. Я стала думать над тем, каковы могут быть его результаты — как отнесется «просвещенная» Европа к «непросвещенной» России?

Когда наш отечественный корабль стал готовиться к отплытию на конгресс в Лондон, то объединяющим началом стал для нас наш капитан — Семен Борисович Есельсон, провозгласивший необходимость показать миру русскую школу практического экзистенциализма. В команде капитана были не только мы, простые моряки дальнего плавания, но и досужие мэтры экзистенциальной психологии и психотерапии: А.Е. Алексейчик и А.В. Гнездилов. Чтобы пришвартоваться в Лондоне, каждый из нас понимал, что нужен якорь — это наши экзистенциальные основы и наши опоры, что нужны паруса — наши традиции и особенности и много такого, что приобретало вес и значимость в период подготовки. В ходе сборов для каждого определялись главные ориентиры. На нашем преконгрессном форуме Дима Трачук, выпускник МИЭК, беженец из Донецка, писал, что основная цель поездки — заявить о школе Алексеячика как о чем-то самобытном и неповторимом в мире психотерапии, показать зажавшимся «колонизаторам», что и в колониях тоже живут люди, у которых есть мозги, сердца и души, что мы тоже умеем что-то делать мастерски. Меня это тронуло, и тогда уже вырисовалась цель моей поездки — подрасти в экзистенциальной философии, стать соучастницей наших групп и, если даст Бог, некоторой поддержкой нашим мэтрам. Ведь мы все были на одном корабле. В ходе подготовки к экзистенциальному театру Ирины Ивановны Власенко я принялась шить костюмы и продумывать музыкальное сопровождение действия сказки Андрея Владимировича Гнездилова «Бал неслучившихся встреч».

Для меня преконгрессье стало более значимым событием в жизни, чем сам конгресс, а также его последствие в моей жизни. И на конгресс я поехала совсем другая, измененная преконгрессными испытаниями.

Первое испытание. Ради реализации моих целей, ради моей поездки в Лондон моя семья приняла ограничения. Мой муж и мои дети отказались от завершения долгожданного ремонта квартиры, от комфорта, которого ждут уже много лет, и я им премного благодарна за это. Моя семья помогла мне, поддержала меня в моих намерениях, проявилась их любовь и доверие к тому, что я делаю. Чтобы приобрести такое, мне необходимо было прожить ту жизнь, которую я прожила со своим мужем (а это 27 лет жизни) и воспитать наших троих детей. Их решение, их поддержка — это было серьезным испытанием и проверкой для меня и для них, так как большую часть бюджета всей семьи не за один месяц они отдали ради меня и ради моей поездки в Лондон. Они выразили мне свое доверие, что я по приезду из Лондона, приобретя там нечто, смогу оптимизировать свою работу более профессионально.

Второе испытание. Это немой вопрос Эмми ван Дорцен, снявшей для конгресса один из самых дорогих конгресс-центров Лондона и поэтому поставившей очень высокий регистрационный сбор: «Почему мы не можем заработать достаточно, чтобы поехать на такое мероприятие?» — ставший для меня вызовом, и я испытывала некую растерянность, когда меня — ненароком, как и всех, кто у нас в психотерапии не умеет зарабатывать — нечаянно внесли в список психотерапевтов для бедняков. Я сразу подумала о том, кто для меня эти бедные и богатые. И тогда спросила сама себя, готова ли я для бедняков трудиться в полную силу своей души так же, как и для богатых, и я себе отвечала, что да, готова, что я всегда, по сути, и это делала. Но чтобы поехать в

Лондон, мне нужно было пожертвовать бедными — ради богатых, ради «себя»... ради денег. Слава Богу, этого не произошло, я продолжала консультировать, не делая никаких различий; так как моим милосердным спонсором стал муж и понимающие дети. Один раз я прочла в интернете фразу о том, что не стыдно быть бедным; стыдно быть дешевым. И сразу соотнесла это с тем, что у русского человека основное богатство не в кошельке, а в сердце заключается. И с этим сразу же перекликнулись евангельские слова, которые я цитировала в комментариях по этой теме. Евангелие помогло мне пройти второе испытание.

Третье испытание я проходила тогда, когда получила отказ в визе. Этот удар, а скорее толчок к чему-то новому заставил меня сильнее самоорганизоваться в дальнейшей жизни. В молитвах своих я просила Бога о помощи и вразумлении меня, отчего и извлекла много уроков. Во-первых, я не сообразила просить помощи у Семена Борисовича Есельсона — человека опытного в деле получения виз. Поэтому оформляла туристическую визу, а не деловую, не советуясь с ним, как лучше; справки из банка не были «свежими», мой личный статус в анкете был явно занижен: работаю на крохотной зарплате в школе педагогом-психологом на четверть оклада при высоких заработках мужа — для чиновников английского консульства это весьма странно. Семен Борисович помог мне увидеть себя их глазами. Во-вторых, для повторного сбора документов мне надо было суметь показать английским чиновникам всю свою деятельность, которую я веду как волонтер (т.е. на добровольных началах), стать понятной им. Я впервые испытала чувство гордости за себя саму и — чего сама от себя не ожидала — за два дня собрала справки о себе. Из этих документов следовало, что я директор воскресной школы (как волонтер), что я заместитель главного редактора международного русскоязычного журнала по экзистенциальному праксису (как волонтер), что я автор нескольких статей в профессиональном журнале, что я учусь сразу на двух факультетах университета (получаю 2-е и 3-е высшее образование), что я интерн МИЭК и что я направляюсь в Лондон на конгресс в качестве звукорежиссера экзистенциального театра И.И. Власенко. Я впервые в жизни назвала себя емким словом волонтер. Я много чего в жизни делала, но никогда себя никем не называла и никаких подтверждающих мою деятельность документов не просила. Я не считала это значимым и важным (само дело, сама жизнь важнее, чем подтверждающая бумажка). Но для чиновников и для получения визы это оказалось важным моментом, а в моей ситуации — решающим. Моя социальная неадаптированность была налицо. Мне нужно было измениться за один день! Это стало возможным не только в документах, но и в жизни. Моя приписка в анкете, что я за 2000 рублей консультирую директора школы — стала реальностью. Я испытала некое перерождение себя, я плакала и смеялась над самой собой. Нервы были на пределе, потому что были куплены авиа-билеты в Лондон и обратно, оплачен прекогрессный и все конгрессные дни... я испытывала чувство вины перед своей семьей, думая, что обманула доверие мужа, которое он мне оказал. А также чувство ответственности за то, что из-за моего отсутствия на конгресс может не поехать переводчик и что музыка экзистенциального театра зазвучит, но без меня... В третьих, с этих перерождающих меня дней я по-другому стала относиться к бумажкам, касающимся моей жизни, и они в моем сознании приобрели статус документов, которые отчасти отражают мое лицо.

После повторной подачи документов виза в Великобританию была получена!

Первая встреча с Лондоном. Перед моим отъездом моя семья в изобилии изливала на

меня информацию, прочитанную на сайтах. Мозг трещал, а в душе не проходил страх от того, что я не знаю английского языка и что до аэропорта Хитроу и до своего хостела мне придется добираться самой. Это было очередным испытанием для меня. Проходя от самолета по тоннелю в здание аэропорта, я изо всех сил молила Господа устроить мой путь к хостелу, а значит и к конгрессу. Я обратилась за помощью к молодому мужчине, который шел впереди меня, и он, к моему спасению, оказался москвичом, прекрасно владеющим английским. Он помог пройти мне все пограничные службы, провез меня на метро и аэроэкспрессе, а также проложил мой пеший маршрут на карте по адресу от ж/д вокзала до хостела. И спокойно оставил меня, сказав, что здесь идти 15 минут, дав мне все инструменты для выживания. Спасибо тебе, Сергей, за помощь — и слава Богу, что я шла 60 минут, а не больше. По пути я успевала фотографировать; особенно пальмы, которые росли у домов и создавали впечатление, что я попала в тропики. А затем необъемные стволы конских каштанов, которые розовыми свечками соцветий приветствовали меня и напоминали мне о моей Родине, всеславном и горячо любимом городе Киеве. Ярко светило солнышко, мне улыбались люди, они были приветливы и сердечны; также как в Киеве и в Ростове-на-Дону, они понимали меня без слов. И когда я им показывала адрес и карту, то они без труда направляли меня в нужную мне сторону. Страх не было, мне было спокойно и радостно от того, что в Лондоне есть настоящие русские мужчины, и что англичане могут понимать меня без слов, достаточно просто верить им и доверять свою жизнь Богу.

Я чувствовала себя счастливой от того, что я в Лондоне, что я дошла все-таки до хостела, что лежу, отдыхая на королевском зеленом ковре, и что слышу в трубке телефона родной голос мужа: «Ты как там, дорогая? Девчонки все утро очень сильно переживали о том, как ты, не зная языка, доберешься до места...» Слезы благодарности текли по щекам, в душе я славил Того, кто дал мне мою семью, а язык лепетал: «Спасибо тебе, дорогой, за все! Я в Лондоне!»

Преоконгрессный день, 14 мая 2015 года. В Кафедральный собор Успения Божией Матери после регистрации на конгрессе нас привела Оксана Дворкина. Снаружи собор был в лесах (видимо, сейчас ведутся наружные реставрационные работы по воссозданию его внешнего облика). Входила в него с особым трепетом, ведь здесь служил и возносил свои молитвы Богу ныне покойный и особо любимый мною митрополит Антоний (Блум) — великий русский человек, глава Сурожской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, которого радио Би-би-си назвало в свое время самым сильным христианским голосом мира. «Григорий Померанц поставил его в один ряд с “великими созерцателями минувшего века” — писателем Томасом Мертоном и философом Мартином Бубером».

Когда мы пришли, то с правой стороны от иконостаса, у иконы святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца весьма тихо и благоговейно служил молебен клирик этого собора — протоиерей Максим Никольский, создавая молитвенное настроение в наших сердцах. То ли молитва священника, то ли необычайно большие размеры иконы (она была в два метра высотой и метр шириной), то ли сам святой Николай Чудотворец, который смотрел на меня сверху, произвели на меня огромное впечатление. Я стояла в трепете, замерев перед этой иконой, совсем тогда не зная, что это корабельная икона русских моряков времен русско-японской войны.

Встреча с митрополитом Антонием Сурожским. Мы подошли к могиле митрополита Антония Сурожского, ее нетрудно было найти. Вся она была обрамлена черно-серым

гранитом, который блестел от дождя, увенчана православным крестом, у подножия которого золотыми буквами было высечено его имя и годы жизни: METROPOLITAN ANTHONY OF SOUROZH 1914–2003. На могилке чьей-то заботливой рукой были высажены бело-розовые флоксы и бордовые анютины глазки. Всего несколько минут молитвенного преклонения к могиле подвижника и глубокого осознания встречи с его святостью и подвигом. В душе лились слова признательности и благодарности, понимания своего недостойнства и рой личных вопросов к владыке. Я просила благословения на труды свои и тех соотечественников, которые сейчас вместе со мной приехали в Лондон на конгресс. Я думала о том, что после эмиграции четыре поколения русских людей, живя в Лондоне, остались верными русским традициям и вере православной, что они до сих пор дорожат русской культурой и гордятся своим прошлым. Именно в этом историческом явлении проявилось неравнодушие митрополита Антония, решением которого была создана Сурожская епархия Русской Православной Церкви за границей. Как-то в беседе с одним человеком он невзначай сказал: «А знаете, я ведь родился в Лозанне, но я не швейцарец, детство провел в Персии и даже говорил на этом языке, но не чувствую себя восточным человеком, получил образование во Франции, но я не француз. Сейчас я уже давно живу в Англии, но я не англичанин. Я очень счастлив, что остался русским». Вот такое сердечное прилепление к своим корням дало такие мощные плоды любви — даже за пределами исторической Родины. Каждый из нас знал, что и для Александра Ефимовича Алексейчика, на группу которого мы старались не опоздать, этот человек всегда был значим и велик. В метро я пыталась вспомнить суть статьи Алексейчика, опубликованной в нашем журнале после кончины митрополита Антония. В ней он писал о том, что митрополит Антоний стал для него связующим звеном между собой телесным и собой духовным, между собой поверхностным и собой глубинным, также как сам Алексейчик стал посредником между нами и почившим тогда митрополитом. В той статье я слышала крик его души о том, что истинная встреча (психотерапевта и больного) может произойти не в объяснениях и поучениях, а в собственной «смерти», т.е. в со-страдании к больному, чтобы вместе с ним умирать и вместе с ним оживать... Так запечатлевалась жизнь митрополита Антония Сурожского — епископа, врача и хирурга тел и душ наших, в жизни и лечебной практике Алексейчика — врача, психиатра и психотерапевта.

«Ибо когда мир своею мудростию не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1:21)

Встреча иностранцев с простым русским психотерапевтом — Алексейчиком Александром Ефимовичем. Почему же никак не понять иностранцу русской души?.. Господи, как же донести до них, как сказать, как показать? Они ведь не владеют нашим языком! Наш великий русский язык — это же наша культура, наши корни. Все в него упирается, без него нет понимания и глубины. Вся психология Алексейчика укоренена в русскую культуру, в русскую словесность. Это неотделимо от него самого, от его души, от его дел и его смыслов. Русский человек никогда не будет размазней, он всегда на стороне правды, а ее всегда необходимо отстаивать, стоять за нее, порой и жизнь отдавать...

Для Александра Ефимовича, насколько я поняла, экзистенциальная терапия — это огромный пласт русской культуры, где ключевым и лечебным является живое русское слово, способное одушевлять, одухотворять и творить целостность. «Клиенты только

тогда могут получить пользу от определенного подхода, если они чувствуют себя способными согласиться с его основными допущениями», — говорит Эмми. Если человек живет другой культурой и открыто заявляет о себе, что он атеист, то его детерминация не позволит ему принять эти русские допущения. Насколько мне помнится, в группе обсуждалось условие принимать все происходящее в ней. Поэтому проблемы возникли не у терапевта, а у тех, кто не принимал и был детерминирован и ограничен своей культурой, «набором своих «верований» и идей, касающихся жизни, мира и людей в нем».

Именно он, Алексейчик, так мастерски может показать и раскрыть сущностные смыслы нашего русского языка. Это непереводаемо... Я не владею английским. Я не знаю, хорошо это или плохо. Но я знаю точно, что так прекрасно знать русский язык и его старославянские корни. Слова могут быть с тонким (двойным и более) лексическим значением, могут быть тихими и даже шепотными, а также грозными и обличающими, — и для меня они тогда звучат как юродство. А как иностранцу рассказать о юродстве? Казаться безумным и терпеть поношения — разве это «достойно» для именитого западного психотерапевта? Или клиенту-иностранцу для возвращения к себе самому, к своей личности (ико-нич-но-сти и Лику), образу и Первообразу, терпеть наказание? Где наказание для мудрого Ивана-дурака становится не истязанием, а принятием на-каза, то бишь наставления. И такое наказание может стать исцеляющим и преображающим для русского человека. А для иностранца? Не знаю...

Все, что я слышала из уст Алексейчика, меня трогало и углубляло в понимании меня самой. Например, «мы со-трудники Бога, мы со-участники Бога». В этот момент я почувствовала большую ответственность такого со-трудничества и такого со-участия. Такими были апостолы. А кто я? Ощущение своей греховности и малости... Вот в этом для меня был вызов. Готова ли я к тому, к чему меня призывает Александр Ефимович? Все западные подходы настолько толерантны, настолько бережливы к личности, только и твердят о гуманистическом подходе, о безопасности и о своем принципе «Не навреди!», что и шагу ступить боятся... Гуманизм и безопасность — это хорошо. Но хорошо ли ходить за клиентом как нитка за иглой, уходя с ним в его дебри и вместе с ним там прятать его самое болезненное, маскируя его и оправдывая эти действия различными теориями типа вытеснения? Это разве жизнь? Это похоже на прятки или уход в самообманы и клиента, и терапевта. «Терапевт может быть экзистенциальным только в том случае, если в первую очередь принуждает к пониманию жизни», — говорит Эмми ван Дорцен. Интенсивная терапевтическая жизнь по Алексейчику предполагает преобразование, изменение, новое рождение и преображение. Как может произойти преобразование (улучшение образа) без боли? Как может произойти изменение без кризиса? Как можно родиться, не испытав муки рождения? Чтобы преобразиться и засиять фаворским светом, Христос принял все грехи, трагедии и слезы мира на Себя. Признать свои грехи — для меня значит пере-болеть ими, отказываясь от них. Такое признание становится возможным, если я рассматриваю себя в вечности (по вертикали, как говорил Алексейчик). Именно такое условие жизни в группе он и ставил: рассмотрение себя вечным, так как жизнь объемлет и смерть. Это для меня оказалось самым важным. Т.е. я смогла увидеть свою протяженность до—во время—после существования: до рождения (фамилия рода моего), от рождения (имени своего), от от-чества своего земного отца до удочерения Отцу Небесному. Каково мое чело (лицо) в свете вечности, т.е. сколько человечности во мне? Как я обретаю или как я

стяжаю (по Серафиму Саровскому) образ (лицо) вечности? Я приняла этот вызов для себя от Алексейчика. Господи, помоги!

Приняли ли вызов иностранцы? Они кричали, что они из другого мира и этот язык им не понятен. Но мы, чтобы оказаться в их мире и быть с ними в незнакомой языковой и культурной среде, заплатили деньги, которые никак не соответствуют нашему миру (эти деньги — это было выше наших возможностей), приняв этот вызов от Эмми. Готовы ли иностранцы принять вызов от Алексейчика — о готовности стать Божьими людьми? Этот момент стал ключевым. Не знаю, спустил ли он с неба на землю иностранцев, которые так бурно отстаивали свой мир. Они, конечно, не были организаторами конгресса. Но ситуации мне виделись похожими. Хотя и не они конкретно заламывали такие цены на конгресс, но также неизменно, как и организаторы — просто требовали подстроиться под них, чтобы им было комфортно и удобно, думая только о своей реальности. Так же как организаторы конгресса не думали об уровне жизни в России, так и эти иностранцы на группе категорически не хотели слушать и слышать русский мир и о том, как стать Божьими людьми.

Сколько испытаний мы преодолели, чтобы быть с ними, чтобы встретиться. Мне это напоминает мою семейную жизнь: принимаю вызовы судьбы, преодолеваю, чтобы быть и встретиться, чтобы существовать без ложных ожиданий и иллюзий насчет того, сколько мне должны в ответ на мою жертву. Ведь истинная жертва безвозмездно совершается во имя любви.

Скажу словами Эмми ван Дорцен об Алексейчике, что как экзистенциалист он имеет надежную систему координат — свою веру, позволяющую размышлять о жизни и систематизировать свой опыт. И этим опытом он щедро делится с нами. Я принимаю ваш опыт, Александр Ефимович, и усвоенное в этот день, ставший годом для меня, беру в свою жизнь — за что искренне благодарю!

Первый день конгресса, 15 мая 2015 года. Встреча с А.В. Гнездиловым. Гнездилов для меня — это человек тишины и тайны, в которой совершается чудо рождения, чудо жизни и чудо смерти. Все, что он делает для людей — это несоизмеримо больше, чем даже мы и предполагаем, потому все его действия имеют свое последствие в вечности. Потому что все его куклы становятся продолжением в чьих-то жизнях, все костюмы и роли его сказочных героев становятся частями жизней тех, кто облачался в них. Звуки бил очищают и просветляют путь слышащих, дуновение веера становится свежим глотком жизни для отчаявшегося, взгляд на себя через волшебное зеркало открывает завесу небытия в бытие — к себе непознанному, к приоткрытию себя.

Так и в тот день, 15 мая 2015 года, в центре Лондона, в историческом здании Church House Congress centre, из окон которого мы созерцали Вестминстерское аббатство и башни здания Британского парламента, происходила жизнь по Гнездилову, или, как говорил сам доктор Балун — терапия присутствия. Ауралина преобразилась в наряд средневековой Королевы. Ее изменения происходили у нас на глазах: сияющая улыбка, восхищенный взгляд и ощущение себя в другом образе... Пола — надела на себя русский костюм: сарафан и кокошник. От такого переоблачения я переживала чувство не-ле-по-сти и дискомфорта, зная не только из русских сказок о скромности и чистоте русского девичьего образа, где символом целомудрия всегда была собранность волос и опущенный долу взгляд. Пола не смогла долго удержать кокошник на голове; снимая его, она говорила, что ей очень неудобно быть в нем и что очень сильно болит голова. А Маша проливали слезы в костюме пикадора... Мы не знаем, что происходило с ними в

этот момент, но каждый ушел с тем, что смог вместить.

Был показан фильм «Билы». В послепфильмии особенно меня поразили слова Андрея Владимировича о том, что звуки — это те же слова, и что они сравнимы с силой слова, и что «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (первая строка Евангелия от Иоанна). И что если слова молитвы сочетать с колокольным звоном, соизмерять с его частотой и силой ударов, то всякий научившийся молиться не умной, а сердечной молитвой, может обретать исцеление. Звук может стать целебным для больного. 30% больных говорили, что колокольный звон облегчает боль от 0,5 до 3 часов. Кто знает цену времени, то это высокая цифра. 30% говорили, что погружаются в гипнотический сон и чувствуют трансформацию своего «я». 30% имели негативные представления и думали, что их отпевают.

Из уст Андрея Владимировича я услышала удивительную историю из рукописей одного монаха, в которой он дает наставление своему ученику: «Чадо мое! Придет время, и тебе придется умереть. Ты окажешься в пространстве, в котором ты не будешь знать, что делать. Тогда представь себе колокольный звон и что ты сел на коня. И этот конь под колокольный звон вынесет тебя за пределы страданий...»

«Мы являемся странами контрастов». Когда Эмми писала эти слова в своем вызове для нас перед конгрессом, то она имела в виду внутренние (внутригосударственные) контрасты. Что, мол, у нас есть и бедные и богатые. Это так... Сейчас для меня эти слова — о контрастах между Россией и странами Европы и Америки... Не хочется противопоставлять и искать эти различия. Хотелось бы искать общее, объединяющее. Вежливость вместо любви. На конгрессе я обратила внимание на то, что всё вокруг и все вокруг замечательные, все такие учтивые и по-лондонски вежливые. Все это внешне выглядит весьма прилично. У меня сложилось впечатление, что эта вежливость стала некоей маской и прикрытием того, о чем говорить не хотят, что ею тщательно маскируют болезни самих терапевтов. Многие (если не все) нуждаются или могли бы нуждаться в настоящей встрече на конгрессе, не только в вежливой и учтивой улыбке с шаблонными словами «Сорри» и «Экскьюзми», не только во встрече с самим собой, но и в исторической реальности пути развития экзистенциальной психотерапии, на котором мы все вместе встретились. Человечество изобрело вежливость, чтобы тщательно скрывать свои страсти. Слова «уважение» и «вежливость» имеют один корень, и для нас он понятен: «повага», «вага» (укр.), «важность», «вес» (рус). Но в них лишь мера почтения. Когда отношения строятся на одном лишь почтении, уважении и придании веса и значимости, то они рушатся за неимением корня — любви. Именно на ней зиждется все! И если мы говорим о своей приверженности к экзистенциальной психотерапии, то должны говорить о своей любви к ней, а не только к отдельным личностям, которым были отданы приоритеты на конгрессе.

В слове «вежливость» слышится мне «лесть» — но не в звуковой оболочке («ливость»), а в самом значении этого слова и действовании его в жизни. Вежливость как языковое и социальное явление весьма удобна. Она хороша тем, что она дает возможность на словах говорить одно, а на деле являть совсем иное.

Какие уроки я извлекла на конгрессе. Как не быть вежливой... Слова, обращенные к моему учителю А.Е. Алексейчику я почему-то зачастую воспринимала как слова, адресованные мне лично. Очень часто Алексейчика призывали к уважению. Чтобы он уважил. Было бы за что...

Как не быть назидательной... Когда человеку в момент его сильных переживаний не нужно

было ничего говорить, а просто быть с ним рядом.

Не хватило мужества задавать неудобные вопросы и отстаивать для себя переводчика. Весьма сожалею о том, что как заместитель главного редактора журнала по экзистенциальному праксису вовремя не предложила его на продажу на конгрессе в Лондоне.

Какие чувства я испытала/не испытала на конгрессе. Испытала чувство недостаточности в себе познаний в области психологии и английского языка. Наряду с этим я вовсе не чувствовала себя лузером. Лузер — слово-чувство, которым обозначила одна из слушательниц МИЭКа состояние рядом с богатыми, для которых показатель успешности — это деньги. Рядом с «богатыми и великими мэтрами» экзистенциальной психотерапии (книгу одного из которых я купила за 22 фунта!), я почувствовала себя просто другой. Не лучше их, гордясь собой, и не хуже, умаляя свое достоинство, а просто — другой. Я испытала чувство уважения и благоговения перед теми знаниями и теориями, которыми владеют психотерапевты, приехавшие на конгресс.

Я испытала чувства горечи и досады за то, что на заявленный дважды в расписании конгресса показ фильма Натальи Олейник о русской ветви экзистенциальной терапии (А.Е. Алексейчике и его последователях) почти никто не пришел... Мне было горько и обидно за Наташу, зная, какие колоссальные труды и средства она вложила в этот фильм.

В моих преконгрессных ожиданиях было желание более близкого общения с иностранными психотерапевтами, которое не реализовалось. Скорее всего — из-за моей внутренней неуверенности и страха.

Вдохновением для меня стало чувство сопричастности с Алексейчиком, Гнездиловым, Есельсоном и Власенко на конгрессе. Я изо всех сил старалась их не идеализировать, но в те моменты, когда я была рядом с ними, мне казалось, что через них говорю я, настолько я испытывала единение с ними и со всем тем, что они делали. Меня это удивляло, поражало, побуждало мыслить глубже и искать ответы, поставленные ими и в своей жизни.

Сейчас бы я ответила Диме Трачуку по поводу всех выступающих. Как метко он тогда говорил в обсуждении подготовки конгресса о том, что ехать должны знающие и практикующие уже психотерапевты. К сожалению, многим из них, выросшим из нашего института до преподавателей, изменившим свои жизни, пишущим книги и статьи, ведущим консультативный прием, как раз визы и не дали. Выступали с их докладами другие. Многие наши коллеги работали параллельно, и не было возможности не просто услышать, но даже поддержать некоторых из них. Плотность времени выступлений не позволила не только обсуждать, но даже задавать вопросы выступающим.

Например, в последний день наряду с выступлением Евгения Усачева о тонкостях феноменологического подхода в экзистенциальном консультировании было несколько теоретических докладов коллег-иностранцев. Перевода не было, но Алексейчик и Есельсон, пытаясь ухватить время за хвост, умудрялись и в таком безвыходном положении задавать вопросы. Обсуждений не получалось. Круглые столы были, но, наверное, не для простых смертных. Поэтому ожидать ярких возгласов от мэтров психотерапии в наш адрес типа «Да уж! Не ожидал, что такое возможно!» не пришлось...